

УДК 821.111.09

ЗАПИСНЫЕ КНИЖКИ ГЕНРИ ДЖЕЙМСА КАК ТВОРЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ ПИСАТЕЛЯ

© Т.Л.Селитрина

Записные книжки Г.Джеймса рассматриваются как единое целое, как выразитель содержания душевной жизни и творческих замыслов, как пограничный жанр между документальной и художественной прозой.

Ключевые слова: Генри Джеймс, записные книжки, творческая биография.

Историко-литературное значение дневников и записных книжек любого писателя является, как правило, материалом для изучения мировоззрения, художественно-эстетических взглядов, психологии творческого сознания и т.д. А.Н.Веселовский в своей работе «В.А.Жуковский. Поэзия чувства и "сердечного воображения"» отметил, что отдельные записи интересны и как «литературные произведения», имея в виду дневники Жуковского [1: 245].

О.Е.Егоров в исследовании, посвященном дневникам русских писателей XIX века, проводит грань между дневниками, представляющими, на его взгляд, регулярные ежедневные записи с реальным хронотопом, и записными книжками, вбирающими литературные материалы, с фрагментами писем, книг, художественными набросками. По мысли О.Егорова, в записных книжках может не быть точной датировки, поскольку этот показатель не имеет принципиального значения (как в случае с П.А.Вяземским), где нередко можно определить лишь год написания [2].

В английском языке понятия *notebooks* (записные книжки) и *diary* (ежедневник) разводятся, а иногда понятие *notebook* звучит как синоним дневника.

В практике Генри Джеймса записные книжки зачастую играют роль первичных записей, подготовительных набросков к будущим произведениям. Это, кстати, характерно для многих писателей. У Джеймса в его записных книжках можно найти краткие сюжеты как написанных, так и ненаписанных произведений. Например, 12 января во Флоренции в 1887 г. Джеймс записывает «интересную историю» про бостонского искусствоведа и страстного почитателя Шелли Эдварда Силзби, который узнал, что у мисс Клермонт, любовницы Байрона, дамы к тому времени почтенного возраста, сохранились письма Шелли и Байрона, к которым он мечтал получить доступ. Джеймс замечает: «Из всего этого может получиться любопытный сюжет: две увядшие, нелепые, бедные, всеми забытые, пережившие свое

время старые англичанки живут на задворках чужого города, храня, как зеницу ока, знаменитые письма... Интересна скорее ситуация в целом, меня она очень занимает» [3: 136]. Как мы знаем, из этой заметки вышла повесть «Письма Асперна».

Записные книжки, как это уже отмечалось неоднократно в критике, способны вырастать в самостоятельные, художественно полноценные произведения, например у Сомерсета Моэма, Джона Фаулза и Генри Джеймса. Знаменитые записные книжки Моэма можно назвать «Историей моего современника» или «Мои университеты». Записные книжки (дневники) Д.Фаулза вполне можно прочитать как романизованную биографию «Портрет писателя в юности» [4]. А записные книжки самого Генри Джеймса воспринимаются как творческая биография и даже, более того, как автобиографический роман писателя.

Конечно, записные книжки Джеймса не ставят целью создание эстетического воспроизведения действительности или художественного образа, однако обращают на себя внимание сжатые портреты-характеристики современников, глубинные основы их характеров, в результате чего возникают законченные психологические портреты. В них видны пронизательность и художническое чутье автора: «*Вчера встреча с Теном на обеде. Впечатление Тен производит на редкость приятное; в нем куда больше добродушия, мягкости и радушия, чем можно было бы ожидать от автора сочинений, отличающихся изысканным, строгим стилем, интеллектом и логикой. Очаровательный собеседник; француз, в чем я лишний раз убедился, искусством беседы превзошли всех. Он слегка косит, и, тем не менее, собой хорош: красивая голова, загорелый, статный, сильный, правильные черты лица – тонкие и, в то же время, по-мужски суровые. Говорил о многом – и обо всем хорошо; про Англию – дружески и со знанием дела. Особо надо отметить, как высоко он ставит Тургенева, его*

глубину, многообразие, стиль, незаметные, в совершенстве выписанные детали, которые сохраняются в литературе благодаря своей законченной непредвзятости» [3: 139]. Эта заметка 1889 г. напомнит читателю тот факт, что творческая ориентация самого Джеймса определилась прежде всего под воздействием внимательно изученного им опыта И.Тургенева.

Образ самого Джеймса предстает в разнородных проявлениях: мятущийся, сомневающийся, самокритичный, любознательный, импульсивный, страдающий от непонимания «зловещей толпы» после провала его пьесы «Гай Домвилл». Джеймс раскрывает саму психологию творчества, его процесс. В записных книжках Джеймса можно выделить определенную концептосферу: его, работа-созидание, творчество, «театр-сцена». Концепт его становится в записных книжках выразителем содержания душевной жизни, переживания автора, интровертного начала. Можно сказать, что автор становится и субъектом и объектом повествования, как бы обращаясь к незримому собеседнику. В уже цитируемой работе О.Егорова пронизательно отмечено, что «дневник (в нашем случае записные книжки) играют роль заместителя тех психологических содержаний сознания, которые не нашли своего выражения в других формах. Он компенсирует неудовлетворенную потребность человеческой души в самовыражении. В этом смысле дневник является своего рода психотерапевтическим средством» [2: 69].

После сокрушительного провала своей пьесы Джеймс, размышляя о творчестве, об искусстве новеллы, признается себе: *«все дело, боюсь, не в том, что краткость мне не дается, а в том, что иду я по ложному пути. Все дело в том, что малая тема представляется мне мелкой. Я не снисхожу до простых вещей. Я почти всегда берусь за тему, требующую развития, и гибну под ее хитросплетениями, или ничто не притягивает меня так сильно, не доставляет мне такой радости, как сюжетные хитросплетения...»* [3: 149], *«писать много, писать безукоризненно – вот отдохновение, вот прибежище. Какая-то рукопись должна быть, так сказать, про запас, пусть хотя бы начало – повествование малопомалу будет расти»* [3: 145].

О гибридности и жанровой многослойности записных книжек писали неоднократно. На основании материалов записных книжек Генри Джеймса можно написать законченную работу о его теоретических взглядах, искусстве нарратологии, даже не читая его статей по этому поводу. Это касается и его «экспериментального» десятилетия (1880 – 1890 гг.), когда писателя особен-

но волновала проблема драматизации литературного произведения. Он пришел к выводу, что *«лучшая формула для создания драматического произведения выглядит так: действие, которое никогда не превращается в диалог, и диалог, который всегда является действием»* [3: 140]. Он замечает: *«Если писать короткие вещи, получать возможность касаться многих тем, сюжетов, держать в руках многообразные нити жизни»* [3: 142]. *«Хороши все жанры и темы, лишь бы они не были сверхчеловечны... Мы возвращаемся к старому- престарелому уроку – искусству размышления <...>, все вокруг словно бы освещается, я вновь ощущаю многообразие человеческих типов и ситуаций, вибрацию жизни. Здесь все страсти, все возможности человеческих комбинаций»* [3: 146]. Сценический метод для него – высшая ценность, главная цель, единственное спасение: *«Действие становится для меня все важнее и важнее, это то, что для меня, по крайней мере, создает Творение, а творение в том, чем я занимаюсь – больше Бога. Так вот при моей страсти к действию, к композиции, сценической форме – это то единственное, чему я могу довериться»* [3: 140]. Отныне, как заклинание, в его заметках будет звучать фраза: *«Драматизируй, драматизируй это»*.

Исследователи заметили, что слово в записных книжках может быть информативным, информационно-аналитическим, выразительно-эстетическим. Последнее качество более всего свойственно Джеймсу. Джеймс исключительно метафоричен. У него метафора не просто троп, а модель мышления. Вновь и вновь он признается, что язык театра, неотразимая драматургическая форма волнует его очень давно: *«В минуты горьких разочарований, тягот к устрашающей театральной профессии более всего утешает мысль о том, что литература терпеливо ждет меня у дверей, и стоит мне только отодвинуть засов, как войдет изящная литературная форма, которая, что там ни говори, мне больше всего по душе, и порывать с которой я вовсе не собираюсь. Я впустил ее, и опять потянулись счастливые часы, переживаю их вновь, кладу еще один камень в основу скромного литературного памятника, который дано мне было воздвигнуть»* [3: 144].

У Джеймса из буквальной интерпретации выступает художественный образ, интересная образная параллель, обладающая смысловой самостоятельностью. Здесь эстетическое начало преобладает над информационно-повествовательным. *«Ах, этот ужасный закон художника – закон плодоношения, оплодотворения. Закон, в соответствии с которым художник из всего из-*

влекает истину; закон, иными словами, приятие всякого опыта, всякого страдания, всякой жизни, любых возможностей, ощущений и истолкований... Разочарования и упущения становятся утешением, достоинством, радостью жизни – угнетенное состояние испытывает лишь тот, кто лишен светоносного рая – рая искусства. Стоит мне опять войти в сей райский чертог, переступить через обожжаемый порог, вступить под его высокие своды, в небесные сады и царство истины вновь откроется мне, передо мной вновь предстанут его необъятные просторы. Воздух жизни наполняет мои легкие, свет победы озаряет все вокруг, и я верю, я вижу, я творю» [3: 143].

Мы видим художественную объективацию событий внутренней жизни писателя. О собственной творческой манере, духовном опыте, эстетической новизне и эксперименте поведал он в своих записных книжках.

На страницах записных книжек Джеймс объясняет, почему он выбрал местом пребывания именно Лондон: «Я выбрал Старый Свет – это мой выбор, моя потребность, моя жизнь...» [3: 157]. Писатель воспринимал Лондон «как художник, как человек, наделенный наблюдательностью и призванный изучать человеческую жизнь. А ведь Лондон – величайшее средоточие

человеческих жизней, самый полный компендиум в мире» [3: 161].

Мы можем назвать записные книжки Джеймса рабочим материалом для ненаписанного автобиографического романа. Функция записных книжек становится у него аналогом функции любого художественного произведения, предназначенного для восприятия читателем. Записные книжки Джеймса необходимо рассматривать как единое целое, как выразитель содержания душевной жизни и творческих замыслов, как пограничный жанр между документальной и художественной прозой.

1. *Веселовский А.Н.* В.А.Жуковский. Поэзия чувства и «сердечного воображения». – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1904. – 546 с.
2. *Егоров О.Г.* Дневники русских писателей XIX века: Исследование. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 286 с.
3. *Джеймс Генри.* Записные книжки, дневники, письма, эссе. Перевод и вступительная статья А.Ливерганта // Иностранная литература. – 2011. – №1. – С. 125 – 185.
4. *Селитрина Т.Л.* Джон Фаулз. Портрет писателя в юности // Постмодернизм и культурная память. Проблемы ценностной ориентации. – Воронеж: ВГУ, 2010. – С. 17 – 24.

NOTEBOOKS OF HENRY JAMES AS A CREATIVE BIOGRAPHY OF THE WRITER

T.L.Selitrina

The notebooks of Henry James are considered to be a single whole, the embodiment of spiritual life and creative ideas in content, and the genre on the borderline between documentary prose and fiction.

Key words: Henry James, notebooks, creative biography.

Селитрина Тамара Львовна – доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германского языкознания и зарубежной литературы Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмиллы.

E-mail: selitrina@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.05.2012